

Зависть, или «с твоими мозгами и моей красотой...»

Рози Брайдотти

«Мужчина - это биологическая случайность: (мужской) ген Y - это недоделанный (женский) ген X, то есть содержит незаконченный набор хромосом... Мужчина, будучи неполноценной женщиной, тратит свою жизнь на то, чтобы стать полноценным, стать женщиной... Мужчина, обеспокоенный только тем, чтобы унять свою досаду, что он не женщина, неспособный ни сострадать, ни понимать, превратил наш мир в кучу дерьма».

*Манифест Общества Полного Уничтожения Мужчин.
Валери Соланас, 1968**

«Мой век - это век смерти. Мой век - это век рожденных мужчинами детей, слишком рано развившихся от радиации».

О мужчинах. Филлис Чеслер, 1978

Я в растерянности. Есть что-то одновременно очень привлекательное и очень сомнительное в понятии «мужчины в феминизме». Как и у многих других авторов этого сборника, мой взгляд задерживается на предлоге «в» в попытке определить то пространственное измерение, которое он открывает. Возможно, это пространство и есть поле битвы вечной войны полов, место, где происходит прямое столкновение субъективностей в их телесной половой

* © Methuen, 1987.

Перевод Лины Казаковой выполнен по изданию Braidoti, Rosi. «Envy: or With Yoш Brains and My Looks», in *Men in Feminism*, Alice Jardine, ed. (New York, London: Routledge, 1987), p. 233-241.

Пит по: Валери Соланас. *Манифест Общества Полного Уничтожения Мужчин* (М.: KOLONNA Publications, 2004). Перевод Ольги Литовской (Прим. переводчика)

реальности? Я могу рассматривать эту тему только как узел взаимосвязанных напряженностей, зону хаоса, набор противоречий.

Когда я пишу эти строки, я интуитивно сопротивляюсь самой идее: мужчин нет и не должно быть «в» феминизме; пространство феминизма - не их пространство, и им не нужно его наблюдать. Таким образом, дискурсивная игра, в которую мы пытаемся играть, или глубоко сомнительна, или перверсивно провокативна, или и то, и другое вместе. Своего рода нетерпение поднимается во мне, когда я думаю обо всем классе/касте мужчин, которые озадачены, очарованы и смущены при виде «не покладаящих ручек» женщин-интеллектуалок феминистского типа. Я не знаю, что здесь на кону для этих мужчин, и потому - да сияет моя ирония «М-Е-Ж-Д-У» строк - я собираюсь де/реформировать знак и написать вместо него -обнажая фаллический подтекст - «мужчины в РЪеминизме»*. Зачем настаивать на букве, спросите вы?

Рамки контекста

Из всего, что я когда-либо почерпнула у Фуко, наибольшее влияние на меня оказало введенное им понятие «материальности идей». Человек не в состоянии абстрактно воспринимать систему дискурсивных и властных структур, обуславливающих его практики говорения; идеи представляют собой разворачивающиеся дискурсивные события, которые не могут быть проанализированы просто в терминах их пропозиционального содержания.

Есть в этом какое-то несоответствие: я сижу здесь, в Париже, теплым сентябрьским днем - полицейские машины мчатся мимо, бомбы террористов по всему городу, антиарабский расизм вновь набирает силу - и думаю о «мужчинах в РЪеминизме». Я не могу сказать, что это основной вопрос, который меня волнует, или что это очень важная тема в контексте моей повседневной жизни... Социополитическое влияние французского феминизма¹ не было достаточно сильным, чтобы феминистская теория, женские исследования или женщины в академии смогли произвести тот эффект, который они произвели в Соединенных Штатах и в других англосаксонских странах. Есть в этой проблеме что-то очень американское - в позитивном смысле. Интерес, который власть

* Здесь и далее мы будем использовать слово «феминизм» для перевода нормативного написания терминауэдашида и слово «РЪеминизм» для перевода введенного Розы Брайдотти нового понятия *Pheminism. Feminism-Pheminism* - игра слов. По-английски оба слова произносятся одинаково, однако *ph-* во втором случае совпадает с начальным *ph-* в слове *phallus* (фаллос), что, как пишет сама Брайдотти, «обнажает фаллический подтекст» присутствия мужчин в феминизме. {Прим. переводчика}

имущие американские мужчины демонстрируют по отношению к РЪеминизму, отражает специфический исторический и культурный контекст - тот, в котором феминистские исследования и смогли стать в США ведущим направлением академической деятельности.

Как европейская феминистка, я чувствую одновременно разочарование и протест, когда сталкиваюсь с попытками редуцировать феминизм до «феминистской теории» или «замуровать» и то, и другое в рамках академического дискурса. Провокационное замечание Поля Смита по поводу «проникновения в феминизм» само по себе даже забавно, но очень проблематично в контексте тех вопросов, которые обсуждают другие авторы данного сборника. Подобное отношение указывает на опасность, которую первые создатели курсов по женским исследованиям предчувствовали с самого начала: что наши «союзники»-мужчины могут оказаться не способными научиться уважать всю сложность тех вопросов, которые поднимает феминизм. Следуя вековой мыслительной традиции, столь блестяще проанализированной Адрианн Рич², они не в состоянии противостоять искушению «замкнуть» эту сложность в попытке «распрямить» феминистскую теорию и практику, «рационализировать» феминистский проект по образцу, который будет для них узнаваем. Ослепленные тем, что их научили распознавать как «теорию», они упорно расчищают свою дорогу через феминизм, как если бы он качественно ничем не отличался от любой другой научной дисциплины. Они идут прямо по нам.

Чего им не хватает интеллектуально - своеобразная слепота к сексуальным различиям, для которой термин «сексизм» не является адекватным, - это рефлексии по поводу своей позиции в истории. Они не унаследовали мир подавления и исключения, основанных на их половой принадлежности, их телесном бытии. Они не имеют жизненного опыта, связанного с отказом им в статусе субъекта по признаку пола. Поэтому большинство из них не в состоянии постичь специфику феминизма в терминах его артикуляции теории и практики, мысли и жизни.

Возможно, у них нет альтернативы. Это, и вправду, скорее всего, очень некомфортно - быть мужчиной, белым интеллектуалом среднего класса в тот исторический момент, когда столько меньшинств и угнетенных групп встают на защиту своих прав, в то время, когда гегемония белого знающего субъекта рушится на глазах. Испытывая нехватку исторического опыта быть угнетенным по признаку пола, они парадоксальным образом испытывают нехватку отрицательного. Испытывая нехватку нехватки, они не могут участвовать в великом брожении идей, которое сотрясает сейчас западную культуру. Это, должно быть, на самом деле весьма болезненно - не иметь никакого другого выбора, кроме как оказаться эмпирическим референтом исторического Угнетателя женщин и быть призванным к ответу за совершенные им злодеяния.

Проблема в том, что исключение женщин и дискредитация женского - это не просто «небольшие упущения», которые можно исправить, если про-

явить добрую волю и приложить немного усилий. Они, скорее, указывают на базовую тему в текстуальной и исторической континуальности маскулинной самолегитимации и идеального самопредставления мужчин³. Это на теле женщины - ее отсутствии, ее молчании, ее бесправии - покоится фаллоцентрический дискурс. Этот своего рода «метафизический каннибализм», который Ти-Грейс Аткинсон анализирует в терминах «зависти к матке», позиционирует женщину как бессловесный фундамент для мужской субъективности - условие возможности *ego* истории. Психоаналитическая теория фрейдистского и лакановского толка сосредоточена вокруг вопроса об истоках - о материнском теле, - разъясняя психические механизмы, которые делают присутствие отца, отцовское тело необходимым как фигуру власти *над ней*.

Вслед за Люс Иригарэ, я вижу психоанализ как патриархальный дискурс, который извиняется за «метафизический каннибализм» - замалчивание могущественности женского. Отказываясь разделять *дискурс* о женском и материнском и *исторические реалии* положения и статуса женщин в западной культуре, Иригарэ уравнивает метафоризацию женщин (фемининного, материнского) с их виктимизацией и историческим угнетением. Человек не вступает в клуб темного континента, человек «рождается в него». Вопрос в том, как трансформировать эту вековую тишину в присутствие женщин как субъектов в каждом аспекте существования. Я уверена, что «они» знают это, не так ли?

«Они» - это те белые мужчины-интеллектуалы среднего класса, которые «все поняли», в том смысле, что вовремя почувствовали, в чем состоит подрывной потенциал феминистской теории. «Они» - это очень специфическое поколение пост-бит - пре-яппи 28-45-тилетних мужчин, которые прошли через потрясения 60-х и унаследовали ценности и невроты этого периода. «Они» - это «новые мужчины» в «постфеминистском» контексте реакционных 80-х. «Они» - это лучшие друзья-мужчины, которые у нас появились, но не те, на которых мы на самом деле надеялись. «Они» циркулируют на кафедрах женских исследований (концентрируясь на охваченных кризисом факультетах искусств), зная, что это одна из немногих сфер в академии, в которой все еще увеличивается финансирование и которая по-прежнему расширяется в смысле количества студентов и аспирантов. «Они» играют в игру под названием «академическая карьера» с великим искусством, будучи осведомлены, что существует правило феминистского сепаратизма, и в то же время игнорируя это правило. «Они» знают, что феминистская теория - последний бастион радикальной мысли посреди руин постмодернистского уныния. «Они» осведомлены о том факте, что дебаты о модерне не отделимы от дискуссии по женскому вопросу и совпадают с ней по времени.

Эпоха так называемого «модерна», которую Алис Жарден критически анализирует в «Генезисе», была свидетелем возникновения и слияния двух параллельных феноменов: с одной стороны, возрождения женских движений и ана-

литических дебатов по «женскому вопросу», с другой - кризиса идеи рациональности и как гуманистской этической идеи, и как главного эпистемологического основания западного философского дискурса. Начиная с Ницше и проходя красной нитью через работы каждого крупного европейского философа, обсуждение женского вопроса сопровождается отказом от классических представлений о человеческой субъективности. Проблематика «женского», подчеркивается таким образом, не является ничем, кроме как очень точной метафорой, симптомом глубокой и тяжелой болезни западной культуры и ее фалло-центричной логики⁴. Это мужская болезнь, выражающая критическое «постмодернистское состояние», описанное Ж.-Ф. Лиотаром. Мое предположение состоит в том, что вышеупомянутое «женское» не имеет никакого прямого и даже, возможно, опосредованного отношения к жизни реальных женщин. В определенном смысле такая постановка вопроса даже укореняет вековую ментальную привычку, заключающуюся в приписывании «женскому» слабостей или недостаточности, свойственных мужскому полу.

В спектре современной континентальной и особенно французской философии «женское» функционирует как мощный механизм, используемый в разнообразных критических попытках переопределить человеческую субъективность. От лакановского утверждения о том, что женщина не может говорить⁵, поскольку ее молчание, ее «отсутствие в» или экс-центричность по отношению к фаллоцентрическому дискурсу поддерживает доктрину мужской дискурсивности, до предписания Деррида, что до тех пор, пока что-то не может быть проговорено, «женское» функционирует как наиболее всеобъемлющее означающее⁶; от «успокоительного» утверждения Фуко, что отсутствие женщины на философской сцене является неотъемлемой частью дискурсивных правил философской игры⁷, до делезовского понятия «становления женщиной», маркирующего качественную трансформацию человеческого сознания,⁸ феминизация мысли вписана как фундаментальный шаг в общую программу антигуманизма, которая знаменует нашу эпоху.

Комбинация концептуальных элементов достаточно парадоксальна: деконструкция, отрицание или подмена понятия рационального субъекта в тот самый исторический момент, когда женщины, наконец, получили доступ к дискурсивным ресурсам, власти и удовольствию; в то время как теоретический дискурс адвокатирует «женское» или «становление женщиной», роль женщины - как действующего лица современности - представляется весьма проблематичной. Что отсутствует в этой схеме, так это разработка политического проекта.

Сколько бы корифеи постмодернизма ни провозглашали деконструкцию и фрагментарность субъекта и текучесть всех идентичностей, базирующихся на фаллоцентрических предпосылках, сколько бы они ни пытались интерпретировать феминизм сквозь призму кризиса своих собственных представлений о человеческом сознании, правда заключается в следующем: невозможно де-

конструировать субъективность, которой никогда в полной мере не был наделен; невозможно рассеять сексуальность, которая исторически определялась как темная и мистическая. Для того, чтобы декларировать «смерть субъекта», нужно сначала получить право говорить от его имени, для того, чтобы развенчать метадискурс, необходимо получить доступ к трибуне для выступления. Ощущение собственной идентичности как фрагментарной и разрозненной - базовое историческое состояние женщины; как справедливо отмечает Люс Ири-гарэ, нам оставлена единственная опция - теоретизирования на предмет «становления женщиной» в общем, для обоих полов, или, другими словами, просто констатации того факта, что женщины находились в постмодернистском состоянии испокон веков⁹.

Отдавая отчет в том, что дебаты по поводу модернизма и постмодернизма опасным образом затрагивают самые исконные дискурсивные основы феминизма, я бы хотела обратить внимание на то, что сама идея «смерти субъекта» была переоценена с момента возникновения постструктурализма во Франции. Просто из того, что в результате невероятного прогресса науки и технологий мы были вынуждены констатировать ограниченность так называемых социальных и гуманитарных наук как системы интерпретации и анализа реальности, не обязательно следует, что невозможна никакая система, никакая интерпретация или понимание и не существует никакой реальности. Просто потому, что модернистская философия обнаружила некую неизученную, сумеречную зону в пространстве человеческой субъективности и дискурса, и это открытие размывает многовековую границу между «я» и «другим», мы не должны неизбежно сделать вывод, что «я» никогда больше не может быть определенным. Просто то, что с конца девятнадцатого века онтологическая стабильность знающего субъекта постоянно расшатывается, вовсе не значит, что все старые понятия - такие как субъективность, сознание, истина - больше не работают. Что на самом деле означает «Кризис» модернизма, так это то, что философия должна предложить новые формулировки, которые дадут нам возможность адекватно мыслить наше историческое состояние. Что нам на самом деле необходимо - так это разумная критика разума, как бы парадоксально это ни звучало.

Я думаю, что феминизм и философская современность могут соотноситься только в терминах диалектики, что означает - в терминах власти и стратегии. В то время как я остаюсь чрезвычайно критически настроенной по отношению к теоретикам «становления женщиной» или феминизации (постмодернистского) субъекта, я задаюсь вопросом, что же заставляет их включаться в эту внезапно возникшую программу по де-фаллицизации? Каких духов заклинают мужчины-мыслители в акте своей «феминизации»? Чего хотят эти новые истерики? Я не вижу ничего другого в этом маневре, кроме осовремененной версии старого доброго метафизического каннибализма: он выражает мужское желание продолжать традицию гегемонии, которую они унаследовали, он об-

нажает их привязанность к своему традиционному месту провозглашения, несмотря ни на что. Зависть.

Они завидуют опыту исторического угнетения, который политическая воля женских движений превратила в основную критическую установку женщин, позволяющую извлечь максимальную для них пользу. Как с грустью заметил один мой близкий друг: «Ваша позиция, в конечном счете, *идеальна*». Интересно, в чьем это воображении? Разве не сталкиваемся мы здесь с вариацией на излюбленную тему «кризис у мужчин среднего возраста»? Разве нельзя сказать, что «они» просто оказались в ловушке обстоятельств, приведших к профессиональному и личному хаосу? Разве «они» не проецируют на феминизм некоторые традиционные образы ЖЕНЩИНЫ как угрожающей, всевластной, всепоглощающей сущности? Разве женщина-феминистка, коль скоро она утверждает, что она не является ни матерью, ни шлюхой, но обеими одновременно, не представляет собой новое идеальное *имаго*! Не сталкиваемся ли мы опять с тем же гетеросексистским упрямством, только на сей раз плохо замаскированным под авторитетное интеллектуальное исследование «феминистской теории»?

В эпоху развитого капитализма, когда социальные манифестации сексуального различия заменила новая андрогиния¹⁰, когда революция в репродуктивных технологиях дала мужчинам средства для осуществления их вековой мечты о рождении своих детей самостоятельно¹¹, создается впечатление, что зависть мужчин к матке достигла своего пика - за исключением парочки меланхоличных беглецов, которые просто сидят, уставившись в беккетовское пустое пространство, в котором памятники и документы Фаллоса уже рассыпались в прах. Какими будут роль и место реальных женщин в этой фрагментарной вселенной? Боюсь, что постмодернистский мир, который сделал сексуальное различие излишним, предлагая образ субъекта, лишённого фиксированной сексуальной идентичности, наладивший репродукцию без сексуального акта, может даже позволить себе роскошь быть Ръеминистским. Наконец-то в одиночестве!

Три гинеи, четыре пенни и прочая мелочевка

Три книги лежат рядом со мной на расположенной на солнечной стороне площади Вогезов скамейке, которую я таким образом пытаюсь сохранить для себя - мне не хотелось бы, чтобы на нее сейчас сел кто-то еще. Три названия, напоминающих мне, откуда я происхожу как феминистка: *La Presenza dell'uomo nel femminismo* радикальной итальянской феминистки Карлы Лонци, «Три гинеи» Вирджинии Вулф и «О мужчинах» Филлис Чеслер. Мне не приходит в голову ни один французский текст о мужчинах в Ръеминизме.

Книги - фрагменты женского телесного опыта, чтобы быть уверенной, что, поднимая тему «мужчин», я буду защищена от образов, оставшихся от

моих юношеских фантазий. В то время мне казалось, что идея «мужчин» содержит ответ на вопрос о моей идентичности не только и не столько как некой абстрактной женщины, но и как конкретной женщины - меня самой. Условия моего существования совместно со всей социополитической системой подталкивают меня с благодарностью использовать очередную возможность поразмышлять на тему «мужчины нашей мечты». И поэтому я в растерянности. Есть что-то одновременно очень привлекательное и очень сомнительное в той легкости, с которой возникает эта тема, предлагая себя моему вниманию. Я против принудительной гетеросексуальности, даже сублимированного типа¹², я не готова к тому и не заинтересована в том, чтобы делиться откровениями по поводу мужчин на страницах книги о РЪеминизме. Это кажется мне довольно неудобным - сосуществовать с мужчинами под одной (этой книги) обложкой. Это форма сожителства такая же неестественная, как пара Ширак-Миттеран, и настолько же потенциально деструктивная.

Откуда берет начало моя речь? Столько связей и ссылок отсутствует. По крайней мере, Вирджиния Вулф выбрала промежуточную позицию: она стояла на мосту и наблюдала сошедший с ума патриархальный мир - образованные мужчины, власть имущие мужчины, военачальники, выступающие в поход вновь и вновь для исполнения своего врожденного желания умерщвлять. Она написала свои великолепные «Три гинеи» накануне Второй мировой войны, и я очень часто думаю о ней сейчас - в постчернобыльской Западной Европе, снова, как и много раз в прошлом, чувствуя огромный страх и невыразимую печаль по поводу нашего наполненного геноцидом мира.

Вирджиния Вулф наблюдала его издали, как бы зависнув в воздухе - присутствующая там и в то же время посторонняя, радикально другая, и, тем не менее, почтительная дочь своих патриархов. Не способная до конца смириться с тем, что она видела, связанная с этим миром минимально, она находилась на его периферии, и в то же время достаточно близко, чтобы почувствовать обычную для гуманиста потребность - в конце концов взять на себя ответственность за ужасающий хаос и посметь произнести фразу: «это неправильно, так делать нельзя».

Потому что позиция «вне» невозможна, так же, как невозможно оставаться абсолютно незапятнанной и незатронутой патриархальными практиками - материальными или дискурсивными. И хотя раз-единенность женского движения - это мощная политическая стратегия, механизм, порождающий фе-миноцентричный способ анализа, концептуально мы не можем позволить себе скрывать и игнорировать нашу включенность в систему, которая активно нас дискриминирует, в культуру, которая нас обесценивает. Рожденные свободными, мы жили униженными. У нас нет другого выбора, кроме как оставаться включенными, будучи отчасти исключенными - расщепленными надвое, вновь и вновь.

Существует также и сепаратизм мышления. Моя позиция говорящей как феминистки приучила меня в первую очередь обращаться к женщинам - моим привилегированным собеседницам, поэтому я могу рассматривать перспективу обращения к мужчинам-Ръеминистам только с чувством благожелательной усталости. Феминистка во мне - борец, победительница, защитница (новых) прав, активистка, социальная фигура. Она полностью вовлечена в патриархат через его отрицание. Ярость, протест и жажда справедливости держит ее включенной, связанной борьбой не на жизнь, а на смерть со своим главным врагом. Сознательно фалличная, она хочет внедриться, - она политическая реформистка: она хочет внедрить женщин всеми способами.

Однако феминистка - это не вся я; она прямо и очень тесно связана с моим бытием-женщиной-наряду-с-другими-женщинами-в-мире. Он существует, этот общий для всех женщин мир, как пишет А. Рич, *континуум*, задающий феминистский взгляд на мир: моя субъективность зависит от присутствия другой женщины. Женщина-во-мне не поглощена патриархатом полностью - ни в смысле его принятия, ни в смысле отрицания. Она находится в другом месте - на границе, на периферии, в тени (к радости лакановских психоаналитиков), ее нельзя определить однозначно. В противоположность Лакану я настаиваю, что моя экс-центричность по отношению к системе репрезентации указывает на иную логику, иной способ «производства смысла». Женщина-во-мне не безмолвна, она является частью символической системы референций, созданной самими женщинами. Она просто говорит на другом языке, радикально отличном (Иригарэ). В то время как Моника Виттиг в ее эссе «Прямое мышление»¹³ утверждает, что граница (не)включенности женщин в патриархальную систему соотносится с их лесбийской идентичностью, я думаю, что модели символической женской гомосексуальности нельзя свести просто к выбору женщины в качестве эротического объекта. Выбор любить женщину - не достаточное (хотя, возможно, и необходимое) условие для того, чтобы ускользнуть от логики патриархата. Язык и сексуальность не есть пространственные структуры, которые можно просто избежать, «обойти стороной» и, в конце концов, навсегда покинуть их пределы.

Женщина-во-мне - «внутри» языка, но в его границах, она находится в постоянном движении; напрямую связанная с феминисткой, которой я решила быть, женщина-во-мне дистанцируется от принудительной гетеро сексуальности, находясь при этом в сексуальных отношениях с мужчинами, причем обязательно мужчинами-Ръеминистами. Проект по изменению сущности женщины-во-мне, состоящий в том, чтобы освободить ее из ловушки «женского», определяемого как «темный континент», или «женственности» как непрерывного маскарада, будет длиться всю мою жизнь, займет все время, которое мне отведено. Женщина-во-мне работает - вместе с другими женщинами, но не только от их имени - над новым определением того, что это значит - быть

человеком. Бытие-женщиной всегда-уже имеет место как онтологическая предпосылка моего экзистенциального становления субъектом: этот процесс должен начинаться с тела и телесных корней субъективности.

Вот почему так важен феминизм: он несет в себе этические и трансцендентные ценности, которые просто не могут быть сведены к еще одной идеологии или теории - доксе или догме, предназначенной для общего пользования. Феминизм - это, помимо всего прочего, освобождение онтологического желания женщин быть женскими субъектами: выйти за пределы традиционного взгляда на субъективность как независящую от пола, снова вписать субъект в его телесную реальность. Сделать сексуальное различие действенным, наконец.

Феминизм, целью которого как теоретического проекта является утверждение женской субъективности, служит порогом, проходя который фундаментальная диссимметрия между полами в конце концов трансформируется в вопрос сексуального различия. Как пишет Иригарэ, это и есть Утопия нашего века.

Для того, чтобы избежать ловушек стандартного эссенциализма, позиционирующего женщину как изначально и конституционально другой, чтобы ее бесчисленные губы не повторяли заученные формулы, нам, феминисткам, нужен политический проект, практика, движение. Чтобы различие имело значение и работало, его нужно коллективно выражать и руководствоваться им в совместных действиях - *здесь и теперь* - в нашем общем мире.

За пределами принципа зависти - этика сексуального различия. И если любовь означает, как формулирует Лакан, давать то, чего у тебя нет, тому, кто в этом не нуждается, в таком случае, я полагаю, любовь, в конечном счете, и есть то, что я имею в виду.

- 1 См.: Duchen, C. *Feminism in France* (London: Routledge & Kegan Paul, 1986).
- 2 Особенно в «Рожденная женщиной» (*Of Woman Born* (New York: Bantam Books, 1977)).
- 3 См.: Lloyd, J. *The Man of Reason* (London: Methuen, 1985). Также см.: Benjamin, J. «The Bonds of Love: Rational Violence and Erotic Domination», in H. Eisenstein & A. Jardine, eds., *The Future of Difference* (Boston: G. K. Hall, 1980).
- 4 Это точка зрения, с которой я пытаюсь спорить в моей докторской диссертации (*Féminisme et Philosophie*. Université Paris I, Pantheon-Sorbonne, 1981) и в следующих статьях: «Femmes et philosophie, questions à suivre», *La Revue d'En Face*, No. 13, 1982; «Modelli di dissonanza», in P. Magli, ed., *Le Donne e i Segni* (Urbino,

- 1983); и «Ethics Revisited: Women and/in Philosophy», in L. Gross & C. Pateman, eds., *Feminist Challenges* (Sydney: Unwin & Allen, 1986).
- 5 См.: *Le Seminaire XX - Encore* (Paris: Seuil, 1977).
- 6 См.: *Eperons* (Paris: Flammarion, 1978).
- 7 См.: *L'Usage des plaisirs and Le Souci de soi* (Paris: Gallimard, 1984).
- 8 См.: Deleuze, G. and Guattari, F. *L'Anti-Oedipe* (Paris: Minuit, 1972); также см.: *Mille Plateaux* (Paris: Minuit, 1980).
- 9 Это позиция, которую последовательно отстаивает Иригарэ, особенно в книге «Пол, который не единичен» (*Ce Sexe qui n'en est pas un* (Paris: Minuit, 1977)), наряду с итальянками А. Бочетти (A. Bocchetti, «L'Indecente indifferenza» (Edizioni del Centre Culturale V. Woolf, Rome, 1983), и А. Кавареро (A. Cavarero, «Somiglianza e differenza», in *11 Pensiero della differenza sessuale*).
- 10 См.: Badinter, E. *Le Meme est l'autre* (Paris, 1986); и Lipovetsky, G. *L'Ere du vide* (Paris: Gallimard, 1983).
- и См.: *Man-Made Women* (London: Hutchinson, 1986).
- 12 См.: Rich, A. «Compulsory Heterosexuality and the Lesbian Experience», *Signs*, vol. 5, no. 4, 1980.
- 13 См.: Wittig, M. «La Pensee straight», *Questions Feministes*, no. 7, 1980.